

Василий Шишков. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Василий Шишков. Владимир Владимирович Набоков

Мои воспоминания о нем сосредоточены в пределах весны сего года. Был какой-то литературный вечер. Когда, воспользовавшись антрактом, чтобы поскорее уйти, я спускался по лестнице, мне послышался будто шум погони, и, обернувшись, я увидел его в первый раз. Остановившись на две ступени выше меня, он сказал: – Меня зовут Василий Шишков, я поэт. Это был крепко скроенный молодой человек в русском роде толстогубый и сероглазый, с басистым голосом и глубоким, удобным рукопожатием.

– Мне нужно кое о чем посоветоваться с вами, – продолжал он, – желательно было бы встретиться.

Не избалованный такими желаниями, я отвечал почти умиленным согласием, и было решено, что он на следующий день зайдет ко мне в гостиницу. К назначенному часу я сошел в подобие холла, где в это время было сравнительно тихо, – только изредка маневрировал судорожный лифт, да в обычном своем углу сидело четверо немецких беженцев, обсуждая некоторые паспортные тонкости, причем один думал, что он в лучшем положении, чем остальные, а те ему доказывали, что в таком же. (Потом явился пятый, приветствовал земляков почему-то по-французски, – юмор? щегольство? соблазн нового языка? Он только что купил себе шляпу, и все стали ее по очереди примерять).

С серьезным выражением лица и плеч осилив неповоротливые двери, Шишков едва успел осмотреться, как увидел меня, и тут приятно было отметить, что он обошелся без той условной улыбки, которой я так боюсь, хотя сам ей подвержен. Не без труда я сдвинул два кресла, и опять было приятно – оттого что, вместо машинального наброска содействия, он остался вольно стоять, выжидая, пока я все устрою. Как только мы уселись, он достал палевую тетрадь.

– Прежде всего. – сказал он, внимательно глядя на меня своими хорошими мохнатыми глазами, – следует предъявить бумаги, – ведь правда? В участке я показал бы удостоверение личности, а вам мне приходится предъявить вот это, – тетрадь стихов.

Я раскрыл ее. Крепкий, слегка влево наклоненный почерк дышал здоровьем и даровитостью. Увы, как только мой взгляд заходил по строкам, я почувствовал болезненное разочарование. Стихи были ужасные, – плоские, пестрые, зловеще претенциозные. Их совершенная бездарность подчеркивалась шулерским шиком аллитераций, базарной роскошью и малограмотностью рифм. Достаточно сказать, что сочетались такие пары, как «жасмина» и «выражала ужас мина», «беседки» и «беседкий», «ноктюрны» и «брат двоюрный», – а о темах лучше вовсе умолчать: автор с одинаковым удалством воспевал все, что ему попадалось под лиру. Читать подряд было для нервного человека истязанием, но так как моя добросовестность усугублялась тем, что автор твердо следил за мной, одновременно контролируя очередной предмет чтения, мне пришлось задержаться на каждой странице.

– Ну как, – спросил он, когда я кончил, – не очень плохо?

Я посмотрел на него. Никаких дурных предчувствий его слегка блестящее, с расширенными порами, лицо не выражало. Я ответил, что стихи безнадежны. Шишков щелкнул языком, сгреб тетрадь в карман и сказал:

– Бумаги не мои, то есть я-то сам написал, но это так, фальшивка. Все тридцать сделаны сегодня, и было довольно противно пародировать продукцию графоманов. Теперь зато знаю, что вы безжалостны, то есть, что вам можно верить. Вот мой настоящий паспорт. (Шишков мне протянул другую тетрадь, гораздо более потрепанную), прочтите хоть одно стихотворение, этого и вам и мне будет достаточно. Кстати, во избежание недоразумений, хочу вас предупредить, что я ваших книг не люблю, они меня раздражают, как сильный свет или как посторонний громкий разговор, когда хочется не говорить, а думать. Но вместе с тем вы обладаете, чисто физиологически, что ли, какой-то тайной писательства, секретом каких-то основных красок, то есть чем-то исключительно редким и важным, которое вы к сожалению применяете по-пустому, в небольшую меру ваших общих способностей... разъезжаете, так сказать, по городу на сильной и совершенно вам ненужной

Василий Шишков. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
гоночной машине и все думаете, куда бы еще катнуть... Но так как вы тайной
обладаете, с вами нельзя не считаться, – потому-то я и хотел бы заручиться вашей
помощью в одном деле, но сначала, пожалуйста, взгляните.

(Признаюсь, неожиданная и непрошенная характеристика моей литературной
деятельности показалась мне куда бесцеремоннее, чем придуманный моим гостем
невинный обман. Пишу я ради конкретного удовольствия, печатаю ради значительно
менее конкретных денег, и, хотя этот второй пункт должен подразумевать так или
иначе существование потребителя, однако, чем больше, в порядке естественного
развития, отдаляются мои книги от их самодовлеющего источника, тем отвлеченнее и
незначительнее мне представляются их случайные приключения, и уж на так
называемом читательском суде я чувствую себя не обвиняемым, а разве лишь дальним
родственником одного из наименее важных свидетелей. Другими словами, хвала мне
кажется странной фамильярностью, а хула – праздным ударом по призраку. Теперь я
старался решить, всякому ли самолюбивому литератору Шишков так вываливает свое
искреннее мнение или только со мной не стесняется, считая, что я это заслужил. Я
заклучил, что, как фокус со стихами был вызван несколько ребяческой, но
несомненной, жаждой правды, так и его суждение обо мне диктовалось желанием как
можно шире раздвинуть рамки взаимной откровенности.)

Я почему-то боялся, что в подлиннике найдутся следы недостатков, чудовищно
преувеличенных в пародии, но боялся я напрасно. Стихи были очень хороши, – я
надеюсь как-нибудь поговорить о них гораздо подробнее. Недавно по моему почину
одно из них появилось в свет, и любители поэзии заметили его своеобразность...
Поэту, столь странно охочему до чужого мнения, я тут же высказал его, добавив в
виде поправки, что кое-где заметны маленькие зыбкости слога – вроде, например,
«в солдатских мундирах».

– Знаете что, – сказал Шишков, – раз вы согласны со мной, что моя поэзия не
пустяки, сохраните у себя эту тетрадку. Мало ли что может случиться, у меня
бывают странные, очень странные мысли, и... словом, я сейчас только подумал, что
так очень хорошо складывается. Я собственнo шел к вам, чтобы просить вас
участвовать в журнале, который затеваю, – в субботу будет у меня собрание, и
должно все решиться. Конечно, я не ободряюсь вашей способностью увлекаться
мировыми проблемами, но мне кажется, идея моего журнала вас заинтересует со
стилистической стороны, – так что приходите. Между прочим, будет (он назвал
очень знаменитого русского писателя), еще кое-кто. Понимаете, я дошел до
какой-то черты, мне нужно непременно как-то разрядиться, а то сойду с ума. Мне
скоро тридцать лет, в прошлом году я приехал сюда, в Париж, после абсолютно
бесплодной юности на Балканах, потом в Австрии, Я переплетчик, наборщик, был
даже библиотекарем, – словом, вертелся всегда около книги. А все-таки я жил
бесплодно, и с некоторых пор мне прямо до взрыва хочется что-то сделать, –
мучительное чувство, – ведь вы сами видите, – может, с другого бока, но все-таки
должны видеть, – сколько всюду страдания, кренизма, мерзости, – а люди моего
поколения ничего не замечают, ничего не делают, а ведь это просто необходимо,
как вот дышать или есть. И поймите меня, я говорю не о больших, броских вещах,
которые всем намозолили душу, а о миллионах мелочей, которых люди не видят, хотя
они-то и суть зародыши самых явных чудовищ. Вот, например, недавно, – эта мать,
которая, потеряв терпение, утопила двухлетнюю девочку в ванне, и потом сама
выкупалась, – ведь не пропадать же горячей воде. Боже мой, сравните с
«посолеными щами», с тургеневской синелью... Мне совершенно все равно, если вам
кажется смешным, что количество таких мелочей, каждый день, всюду, разного
калибра, разной формы, хвостиками, точками, кубиками, – может так волновать
человека, что он задыхается и теряет аппетит, – но, может быть, вы все-таки
придете.

Наш разговор я здесь соединил с выдержками из пространного письма, которое
Шишков мне прислал на другой день в виде подкрепления. В субботу я слегка
запоздал, и, когда вошел в его столь же бедную, как и опрятную комнату, все уже
были в сборе, не хватало только знаменитого писателя. Из присутствующих я знал в
лицо редактора одного бывшего издания; остальные, – обширная дама (кажется,
переводчица или теософка) с угрюмым маленьким мужем, похожим на черный брелок,
двое потрепанных господ в mad'овских пиджаках и энергичный блондин, видимо
приятель хозяина, – были мне неизвестны. Заметив, что Шишков озабоченно
прислушивается, заметив далее, как он решительно и радостно оперся о стол и уже
привстал, прежде чем сообразить, что это звонят в другую квартиру, я искренне
пожелал прихода знаменитости, но она так и не явилась. «Господа», – сказал
Шишков, – и стал довольно хорошо и интересно развивать свои мысли о журнале,

Василий Шишков. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru который должен был называться «Обзор Страдания и Пошлости» и выходить ежемесячно, состою преимущественно из собранных за месяц газетных мелочей соответствующего рода, причем требовалось их размещать в особом, «восходящем» и вместе с тем «гармонически незаметном», порядке. Бывший редактор привел некоторые цифры и выразил уверенность, что журнал такого типа не окупится никогда. Муж обширной литераторши, сняв пенсне, страшно растягивая слова и массируя себе переносицу, сказал, что, если уж бороться с человеческим страданием, то гораздо практичнее раздать бедным ту сумму, которая нужна для основания журнала, – и как как эта сумма ожидалась от него, то прошел холодок. Затем приятель хозяина, гораздо бойчее и хуже, повторил в общих чертах то, что говорил Шишков. Спросили и мое мнение; видя выражение лица Шишкова, я приложил все силы, чтобы поддержать его проект. Разошлись непоздно. Провожая нас на площадку, Шишков оступился и несколько долее, чем полагалось для поощрения смеха, остался сидеть на полу, бодро улыбаясь, с невозможными глазами.

Через несколько дней он опять меня посетил, и опять в углу четверо толковали о визах, и потом пришел пятый и бодро сказал: «Bonjour, Monsieur Weiss, bonjour. Monsieur Meyer». На мой вопрос Шишков рассеянно и даже как-то нехотя ответил, что идея журнала признана неосуществимой и что он об этом больше не думает.

– Вот что я хотел вам сказать, – заговорил он после стесненного молчания, – я все решал, решал и, кажется, более или менее решил. Почему именно я в таком состоянии, вам вряд ли интересно, – что мог, я объяснил вам в письме, но это было применительно к делу, к тому журналу... Вопрос шире, вопрос безнадежнее, я решил, что делать, как прервать, как уйти. Убраться в Африку, в колонии? Но не стоит затевать геркулесовых хлопот только ради того, чтобы среди фиников и скорпионов думать о том же, о чем я думаю под парижским дождем. Сунуться в Россию? Нет – это польмя. Уйти в монахи? Но религия скучна, чужда мне и не более чем как сон относится к тому, что для меня есть действительность духа. Покончить с собой? Но мне так отвратительна смертная казнь, что быть собственным палачом я не в силах, да кроме того боюсь последствий, которые и не снились любомудрию Гамлета. Значит остается способ один – исчезнуть, раствориться.

Он еще спросил, в сохранности ли его тетрадь, и вскоре затем ушел, широкоплечий, слегка все-таки сутулый, в макинтоше, без шляпы, с обросшим затылком, – необыкновенно симпатичный, грустный, чистый человек, которому я не знал, что сказать, чем помочь.

Через неделю я покинул Париж и едва ли не в первый день по возвращении встретил на улице шишковского приятеля. Он сообщил мне престранную историю: с месяц тому назад «Вася» пропал, бросив все свое небольшое имущество. Полиция ничего не выяснила, – кроме того, что пропавший давно просрочил то, что русские называют «картой».

Так это и осталось. На случае, с которого начинаются криминальные романы, кончается мой рассказ о Шишкове. Скучные биографические сведения, добытые у его случайного приятеля, я записал, – они когда-нибудь могут пригодиться. Но куда же он все-таки исчез? Что вообще значили эти его слова – «исчезнуть», «раствориться»? Неужели же он в каком-то невыносимом для рассудка, дико буквальном смысле имел в виду исчезнуть в своем творчестве, раствориться в своих стихах, оставить от себя, от своей туманной личности только стихи? Не переоценил ли он «прозрачность и прочность такой необычной гробницы»?

Париж. 1940 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!